

Говард Филлипс Лавкрафт

Клиффорд Мартин Эдди-младший

Пожиратель призраков

(The Ghost-Eater)

I

Помешательство? Горячечный бред? Очень хотелось бы так думать! Но когда в ходе моих странствий тьма застигает меня одного вдаль от человеческого жилья и в ушах звучит жуткое эхо пронзительных воплей, злобного рычания и отвратительного хруста костей, долетающее из бескрайней дали, я содрогаюсь при воспоминании о той кошмарной ночи.

В ту пору я еще недостаточно свободно ориентировался в лесу, хотя дикая, девственная природа влекла меня столь же сильно, как сейчас. До упомянутой ночи я никогда не путешествовал без проводника, но на сей раз обстоятельства вынудили меня положиться на собственные силы. Дело было в середине лета, в штате Мэн; мне позарез нужно было добраться из Мейфэра до Глендейла к полудню следующего дня, но никто из местных жителей не соглашался стать моим проводником. Если бы я двинулся окружным путем через Потовиссет, я бы точно не поспел в Глендейл к нужному часу, а кратчайший путь пролегал через густую лесную чащу, — но все до единого, к кому я обращался с просьбой провести меня лесом, отвечали категорическим отказом или уклончивыми отговорками.

Мне, человеку пришлому, показалось странным, что у всех и каждого мигом находится благовидный предлог для отказа. В такое количество «важных неотложных дел» в паршивой сонной деревушке просто не верилось, и я понимал, что местные лгут. Однако все они ссылались на «крайнюю занятость» и заверяли, что нужная мне тропа, ведущая строго на север, легкопроходима и крепкому малому вроде меня преодолеть путь через лес — раз плюнуть. Коли выйдешь с утра пораньше, говорили они, доберешься до Глендейла к закату, и тебе не придется ночевать под открытым небом. Но даже тогда я ничего не заподозрил. Дело представлялось вполне посильным, и я решил отправиться в одиночку, махнув рукой на ленивых селян. Возможно, я принял бы такое решение, даже если бы что-то заподозрил, ибо молодости свойственно упрямство, а я вдобавок ко всему с малых лет смеялся над разными суевериями и бабьими рассказами.

Итак, на рассвете следующего дня я бодро пустился в путь, с пакетом провизии в руке, автоматическим пистолетом в кармане и пачками хрустящих купюр крупного достоинства в денежном поясе. Зная расстояние, которое предстоит пройти, и скорость собственного шага, я рассчитывал достичь Глендейла вскоре после захода солнца, и даже в случае непредвиденной задержки оказаться застигнутым тьмой в лесу я не боялся, поскольку имел немалый опыт ночевки под открытым небом. К тому же мое присутствие в городе требовалось не раньше полудня.

Планы мои нарушила погода. Поднявшись выше над горизонтом, солнце стало немилосердно припекать даже сквозь густую листву, и я с каждым шагом терял силы. К полудню одежда на мне насквозь промокла от пота, и я еле передвигал ноги, несмотря на всю свою решимость. По мере того как я углублялся в лес, заросшая подлеском тропа становилась все более труднопроходимой и местами почти терялась в густых зарослях. Сквозь них явно никто не продирался уже много недель, если не месяцев, и постепенно я начал сомневаться, что доберусь до Глендейла к ночи.

Наконец, изрядно проголодавшись, я устроил привал в тени погуще и принялся за ланч, приготовленный мне в дорогу в деревенской гостинице. Он состоял из нескольких безвкусных сэндвичей, куска черствого пирога и бутылки слабенького винца — трапеза отнюдь не роскошная, но вполне удовлетворяющая потребностям человека, изнуренного долгим переходом по страшному пеклу.

Курение в такую жару не принесло бы никакого удовольствия, и потому по завершении ланча я не стал вынимать трубку, а растянулся в тени деревьев, намереваясь немного вздремнуть, перед тем как снова пуститься в путь. Полагаю, вино я выпил зря, ибо даже такого слабого напитка оказалось достаточно, чтобы довершить дело, начатое томительным зноем. Я рассчитывал просто передохнуть несколько минут, но неожиданно, даже не успев зевнуть, провалился в глубокий сон.

II

Когда я открыл глаза, вокруг уже сгущались сумерки. Легкий порыв ветра, овеявший мое лицо, пробудил меня окончательно, и я внутренне похолодел, увидев в небе быстро бегущие черные облака, за которыми стеной надвигалась кромешная тьма, предвещающая сильную грозу. Теперь я ясно понимал, что раньше следующего утра до Глендейла мне никак не добраться, но перспектива ночевки в глухом лесу — первой в жизни одинокой ночевки — при таких погодных условиях привела меня в содрогание. Я тут же решил двинуться дальше в надежде найти какое-нибудь убежище до начала грозы.

Тьма накрыла лес подобием толстого одеяла. Угрюмые тучи сгустились с самым угрожающим видом, и ветер усилился почти до ураганного. Далекая вспышка молнии озарила небо, и в следующий миг зловеще пророкотал громовой раскат. Капелька дождя упала на мою повернутую кверху ладонь, и я покорился неизбежному, хотя и продолжал машинально шагать дальше. Минуту спустя я увидел впереди свет — горящее окно за деревьями в густом мраке. Движимый желанием укрыться от ненастья, я поспешно устремился к нему — но, ей-богу, лучше бы я развернулся и обратился в бегство!

Я вышел на заросшую бурьяном широкую поляну, на противоположной стороне которой, задом к девственному лесу, стоял дом. Я ожидал увидеть какую-нибудь убогую лачугу или бревенчатую хижину и прямо-таки обомлел при виде опрятного, ладного двухэтажного особнячка, построенного, судя по архитектуре, лет семьдесят назад, но явно ухоженного со всем тщанием. Сквозь одно из нижних окон лился свет, и я, подстегнутый очередной дождевой, каплей бегом пересек поляну и, взлетев по ступеням крыльца, громко постучал в дверь.

На мой стук удивительно быстро откликнулся приятный звучный баритон: «Войдите!»

Толкнув незапертую дверь, я вошел в полутемный холл, куда проникал свет из открытого дверного проема справа, за которым я увидел комнату со стенами, сплошь заставленными книжными стеллажами. Затворив за собой входную дверь, я моментально почувствовал витающий в воздухе специфический запах — слабый, едва уловимый запах дикого зверя — и предположил, что хозяин дома, вероятно, промышляет охотой или трапперством, причем свежует туши, выделывает шкуры и все такое прочее прямо в стенах особняка.

Человек, пригласивший меня войти, сидел в просторном мягком кресле у стола с мраморной столешницей, закутанный в длинный серый халат. Черты его лица резко выделялись при свете мощной аргандовой лампы, и несколько мгновений мы с одинаковым любопытством молча разглядывали друг друга. Он был на редкость хорош собой: тонкое, чисто выбритое лицо, аккуратно зачесанные назад золотистые волосы, красивые брови, сходящиеся на переносице под небольшим углом, правильной формы уши, низко посаженные и плотно прилегающие к черепу, и выразительные серые глаза, возбужденно сверкающие почти фосфоресцирующим блеском. Приветственно улыбнувшись, мужчина обнажил изумительно ровные, крепкие белые зубы, а когда он жестом предложил мне сесть в кресло напротив, я подивился изяществу узкой кисти с длинными пальцами и тщательно ухоженными, слегка загнутыми розовыми ногтями миндалевидной формы. Я невольно задался вопросом, почему столь утонченный и изысканный джентльмен предпочитает вести отшельническую жизнь.

— Извините за вторжение, — наконец промолвил я, — но я уже оставил надежду добраться до Глендейла сегодня, и мне пришлось искать укрытия, поскольку надвигается гроза.

Словно в подтверждение последних моих слов, за окном полыхнула молния, оглушительно прогрехотал гром и первые струи проливного дождя неистово забарабанили по стеклам.

Хозяин дома, казалось, не обратил ни малейшего внимания на разбушевавшуюся стихию и вновь одарил меня улыбкой, когда успокоительно заговорил хорошо поставленным голосом, устремив на меня невозмутимый, почти гипнотический взгляд:

— Я рад оказать вам гостеприимство, но боюсь, роль радушного хозяина мне не по силам. У меня покалечена нога, поэтому вам придется самому обслуживать себя. Если вы голодны, на кухне полно всякой еды. С едой дела здесь обстоят лучше, чем с правилами этикета.

В голосе мужчины мне послышался едва уловимый иностранный акцент, хотя речь у него была беглая, грамотная и изысканная.

Поднявшись во весь свой внушительный рост, он широким шагом направился к двери, сильно припадая на одну ногу и при взмахе обнажив мускулистые волосатые руки, совершенно не вязавшиеся с изящными узкими кистями.

— Пойдемте, — пригласил он. — Прихватите с собой лампу. Я вполне могу посидеть и на кухне.

Я проследовал за ним в помещение, расположенное через холл, и, повинувшись его указаниям, набрал дров из поленницы в углу и достал продукты из буфета. Через несколько минут, когда огонь в печи разгорелся, я спросил, не приготовить ли мне ужин на двоих, но он вежливо отказался.

— У меня по такой жаре совершенно нет аппетита, — сказал он. — Кроме того, я слегка перекусил незадолго до вашего появления.

Отужинав в одиночестве и помыв за собой посуду, я присел и с наслаждением закурил трубку. Хозяин задал мне несколько вопросов насчет местных новостей, но погрузился в мрачное молчание, узнав, что я впервые в здешних краях. Незаметно наблюдая за ним, я явственно чувствовал в нем какую-то странную холодность, какую-то неуловимую, недобрую отчужденность, не поддающуюся анализу. Я почти не сомневался, что он терпит мое присутствие только из-за грозы и на самом деле нисколько не рад гостю.

Гроза же мало-помалу стихала. За окнами стало светлее, ибо сквозь облачную пелену проглядывала полная луна, и ливень сменился обычным мелким дождичком. Я решил, что, пожалуй, вполне могу продолжить путь, каковой мыслью поделился с хозяином.

— Лучше все-таки подождать до утра, — заметил он. — Вы ведь путешествуете пешком, а до Глендейла добрых три часа хода. У меня наверху две спальни, и вы можете расположиться в любой из них, коли пожелаете остаться.

Приглашение прозвучало столь искренне, что все мои сомнения относительно гостеприимства хозяина мигом рассеялись. По всей видимости, заключил я, склонность к угрюмой молчаливости развилась в нем за годы уединенной жизни в глухом лесу, вдали от людей. Выкурив в полном молчании еще три трубки, я наконец начал зевать.

— День сегодня выдался не из легких, — признался я. — Полагаю, мне лучше отправиться на боковую. Я хочу тронуться в путь с первыми лучами солнца.

Хозяин указал рукой на открытую дверь, за которой виднелся темный холл с ведущей наверх лестницей.

— Возьмите с собой лампу, — велел он. — Другой у меня нет, но я вполне могу посидеть в темноте. Зачастую я вообще обхожусь без света по вечерам. Ламповое масло здесь достать очень трудно, а в деревню я наведываюсь крайне редко. Ваша комната справа от лестничной площадки.

Когда я вышел с лампой в холл и обернулся, чтобы пожелать спокойной ночи, я увидел в темноте сверкнувшие почти флуоресцирующим блеском глаза, и мне невольно вспомнились ночные привалы в джунглях и глаза неведомых хищников, порой мерцавшие сразу за границей освещенного костром круга. Потом я двинулся вверх по лестнице.

Поднявшись на второй этаж, я услышал, как хозяин хромой поступью идет через холл в комнату напротив кухни, двигаясь во мраке с уверенностью ночного животного. Он и вправду не испытывал особой нужды в лампе. Гроза закончилась, и отведенную мне комнату озарял свет полной луны, льющийся на кровать через окно без занавесок. Задув лампу и оставшись в темноте, которую рассеивали лишь лунные лучи, я принял к

специфичному едкому запаху, перебивающему керосинный дух, — звериному запаху, что ударил мне в ноздри, едва я вошел в дом. Я распахнул настежь окно и вдохнул полной грудью свежий ночной воздух.

Я начал было раздеваться, но почти сразу остановился, вспомнив о своем денежном поясе, спрятанном под одеждой. Наверное, подумал я, со сном лучше повременить, не стоит терять бдительность: ведь мне не раз доводилось читать о людях, которые пользовались подобной ситуацией, чтобы ограбить, а порой даже убить путника, остановившегося у них на ночлег. Посему, соорудив из одеяла подобие человеческой фигуры, лежащей на кровати, я передвинул единственное в комнате кресло в густую тень, снова набил и зажег трубку и уселся, приготовившись дремать или бодрствовать в зависимости от обстоятельств.

III

Довольно скоро мой чуткий слух уловил звук шагов на лестнице. В памяти моей разом всплыли все старинные предания о феодалах-разбойниках, когда в следующий миг я осознал, что слышу твердую, громкую поступь человека, явно не пытающегося скрыть свое приближение. Она несколько не походила на мягкую, прихрамывающую поступь хозяина дома. Вытряхнув пепел из трубки, я сунул ее в карман, а затем вытащил пистолет, на цыпочках пересек комнату и замер в напряженной позе у стены за дверью.

Дверь открылась, и в луч лунного света вступил совершенно незнакомый мне человек. Высокий, широкоплечий мужчина внушительной наружности, с густой бородой лопатой, в подпиравшем подбородок высоком черном галстуке, давным-давно вышедшем из моды в Америке, — явно иностранец. Как он умудрился войти в дом незаметно для меня, я, хоть убей, не понимал — и я ни на миг не допускал, что все это время он скрывался в одной из комнат или в холле внизу. Когда я взгляделся пристальнее в озаренную зыбким лунным светом плотно сбитую фигуру, мне показалось, будто я вижу сквозь нее, — впрочем, я тотчас решил, что это оптическая иллюзия, возникшая у меня от потрясения.

Заметив беспорядок на постели, но явно не придав ему должного значения, незнакомец пробормотал несколько слов на иностранном языке и принялся раздеваться. Бросив одежду в кресло, недавно покинутое мной, он забрался под одеяло и в два счета заснул крепким сном, о чем свидетельствовало ровное, медленное дыхание.

Первым моим побуждением было разыскать хозяина и потребовать объяснений, но буквально секунду спустя я рассудил, что сперва хорошо бы убедиться, не является ли все происходящее лишь галлюцинацией как следствие моего тяжелого хмельного сна в лесу. Меня все еще пошатывало от слабости, и, несмотря на недавно поглощенный ужин, я чувствовал такой голод, словно ничего не ел с полуденного ланча.

Я подошел к кровати и схватил спящего мужчину за плечо. В следующий миг, с трудом подавив крик ужаса и изумления, я отпрянул назад с бешено колотящимся сердцем и вытаращенными глазами. *Ибо пальцы мои беспрепятственно прошли сквозь плечо спящего и ухватились за простыню!*

Я не в силах описать смятение, охватившее мою душу. Человек был неосязаем, бесплотен, однако я явственно видел его — он пошевелился и повернулся на бок под

одеялом — и слышал его ровное дыхание. А потом я — уже вполне уверенный, что нахожусь во власти безумия или неких гипнотических чар, — услышал на лестнице другие шаги: мягкую, дробную, прихрамывающую поступь, похожую на собачью... Знакомый звериный запах ударил мне в ноздри с новой силой. Чувствуя себя как в кошмарном сне, я на цыпочках отбежал от кровати и снова спрятался за открытой дверью, потрясенный до глубины души, но готовый смиренно принять любой, сколь угодно страшный жребий.

Мгновение спустя в столб лунного света вступил огромный тощий волк — он, следует заметить, сильно прихрамывал, ибо одна задняя нога у него была скрючена и поджата, словно перебитая в прошлом охотничьей пулей. Когда зверь повернул голову в мою сторону, пистолет выскользнул из моих ослабших пальцев и с громким стуком упал на пол. Приступ еще сильнее ужаса парализовал мои волю и сознание, *ибо устремленные на меня глаза жуткого хищника в точности походили на серые фосфоресцирующие глаза хозяина дома, что недавно пристально смотрели на меня из темной кухни.*

До сих пор не знаю, заметил ли волк меня. Он перевел взгляд на кровать и кровожадно уставился на призрачную фигуру спящего мужчины. Потом зверь запрокинул голову, и из дьявольской глотки исторгся жуткий вой, какого мне не доводилось слышать никогда прежде: омерзительный, хриплый волчий вой, от которого у меня кровь заледенела в жилах. Человек на кровати пошевелился, открыл глаза и резко отпрянул при виде чудовища. Дрожая от возбуждения, зверь припал на задние лапы и в следующий миг — когда бесплотная фигура испустила душераздирающий вопль, исполненный невыразимой муки и ужаса, — прыгнул вперед и сомкнул на горле несчастного фантома белые, крепкие, ровные зубы, блестящие в лунном свете. Вопль закончился булькающим хрипом, и полные дикого страха глаза жертвы остекленели.

Побужденный к действию предсмертным криком призрачного мужчины, я молниеносно подхватил с пола пистолет и выпустил всю обойму в чудовищного волка. *Но все до единой пули беспрепятственно прошли сквозь зверя и с глухим стуком вонзились в противоположную стену.*

Нервы у меня окончательно сдали. Объятый слепым страхом, я выскочил за дверь и, бросив последний взгляд назад, увидел, как волк впивается острыми зубами в тело своей жертвы. А потом я испытал еще более жуткое потрясение, породившее во мне самые дикие мысли. На кровати лежало то самое тело, сквозь которое буквально минуту назад свободно прошла моя рука... и тем не менее, ринувшись вниз по темной лестнице, я отчетливо услышал позади тошнотворный хруст костей.

IV

Как я нашел тропу и добрался до Глендейла — одному богу ведомо. Помню только, что восход солнца застал меня на опушке леса, на холме, с которого были видны раскинувшийся внизу городок и сверкающая голубая лента реки Катаквы в отдалении. В своем плачевном состоянии — с мертвенно-бледным лицом, без куртки и головного убора, в рубашке, промокшей от пота до такой степени, будто я всю ночь провел под проливным дождем, — я не решился войти в Глендейл, покуда не обрету хотя бы

видимость самообладания. Наконец я спустился по склону холма и зашагал по мощным тротуарам узких улочек, застроенных особнячками колониальной архитектуры, направляясь к гостинице «Лафайет-Хаус».

— Откуда в такую рань, сынок? — поинтересовался хозяин гостиницы, с подозрением меня рассматривая. — Да еще в таком взъерошенном виде?

— Пришел лесом из Мейфэра.

— Ты... шел через Дьяволов лес... *сегодня ночью... один?* — Старик уставился на меня со смешанным выражением ужаса и недоверия.

— Почему бы и нет? Путь через Потовиссет занял бы у меня слишком много времени, чтобы поспеть сюда к назначенному часу, то есть к полудню.

— Но ведь нынче ночью было *полнолуние!*.. Боже мой! — Он с любопытством разглядывал меня. — Ну как, повстречался с Василием Украиниковым или с графом?

— Я что, похож на легковерного простака? Вы меня разыграть пытаетесь?

Но он ответил серьезным, как у священника, тоном:

— Видать, ты впервые в здешних краях, сынок, раз ничего не знаешь про Дьяволов лес, полнолуние, Василия и все остальное.

Я был настроен отнюдь не на легкомысленный лад, но понимал, что после предыдущих своих ироничных высказываний не должен обнаруживать неподдельный интерес к делу.

— Продолжайте — вижу, вам до смерти хочется рассказать. Я весь внимание — ушки на макушке, прям как у осла.

Затем старик в скупой, сдержанной манере поведал мне местную легенду, не вдаваясь в живописные подробности, ничего не приукрашивая и не домысливая для пушного эффекта. Но мне в моем взбудораженном состоянии и не требовалось никаких стилистических изысков, которыми непременно расцветил бы данную историю любой поэт. Не забывайте, свидетелем каких событий я стал ночью, притом что впервые я услышал легенду уже *после* того, как пережил кошмарное приключение и в панике бежал из страшного дома, напоследок повергнутый в ужас отвратительным хрустом костей призрака.

— Здесь, между Глендейлом и Мейфэром, в прошлом жили несколько русских — нигилисты, перебравшиеся в Америку после каких-то неприятностей у себя на родине. Среди них Василий Украиников — высокий, худой, привлекательный парень с золотистыми волосами и изысканными манерами. Однако ходили слухи, будто он слуга дьявола — оборотень и людоед.

Он построил дом в лесу — в нескольких часах ходу от Глендейла — и поселился там совсем один. Время от времени из леса приходили путники, которые все рассказывали одну и ту же диковинную историю — про гнавшегося за ними огромного волка со сверкающими человеческими глазами, ну в точности как у Украиникова. Однажды ночью

кто-то пальнул в волка с близкого расстояния, и когда Украиников в следующий раз появился в Глендейл, он здорово припадал на одну ногу. Все стало ясно как день. Теперь речь шла уже не о подозрениях, а о голых фактах.

Немного погодя он пригласил к себе в гости графа — звали его Федор Черневский, и он жил в Мейфэре, в доме Фаулера на Стейт-стрит. Все предостерегали графа, ибо он был славным малым и пользовался всеобщей любовью, но он сказал, что вполне в состоянии за себя постоять. Тогда было полнолуние. Храбрец, каких поискать, Черневский единственно велел своим слугам наведаться к Василию в случае, если он не вернется к условленному сроку. Они так и сделали... Да неужто, сынок, ты и вправду прошел через лес нынче ночью?

— Ну да... — Я постарался принять беззаботный вид. — Коли я не граф, так, по-вашему, непременно врун? Но что же обнаружили слуги в доме Украиникова?

— Растерзанное тело графа, сынок, и стоящего над ним тощего волка с окровавленной пастью. Нетрудно догадаться, кто был этим волком. И говорят, с той поры каждое полнолуние... но неужто, сынок, ты не видел и не слышал ничего необычного?

— Ровным счетом ничего, папаша! А скажите, что стало с волком — или Василием Украиниковым?

— Так они его убили, сынок, — наспиговали свинцом, зарыли в подвале дома, а дом спалили дотла. Случилось это лет шестьдесят назад, когда я был еще совсем мальчишкой, но я помню все так живо, словно все было только вчера.

Я пожал плечами и отвернулся. Сейчас, при свете дня, вся эта история казалась дурацкой выдумкой. Но порой, когда тьма застигает меня одного вдали от человеческого жилья и в ушах звучит жуткое эхо пронзительных воплей, злобного рычания и отвратительного хруста костей, я содрогаюсь при воспоминании о той кошмарной ночи.

Перевод: Мария Куренная

2010 год